

Филиппова Юлия Владимировна

СОБЫТИЕ - ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается событие как темпоральный аспект сознания, которое схватывается во внутреннем восприятии в двух модусах - непрерывности и дискретности; а также трансцендентное и имманентное в развертках временной целостности сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 190-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Канта, который совершенно иначе понимал смысл и сущность долга. В этом смысле нравственная философия Н. Ф. Федорова, в которой раскрыта этическая сущность русского космизма, является, с нашей точки зрения, наиболее важной ее частью, одновременно, выражающей фундаментальные смыслы отечественной, по-преимуществу, этикоцентричной культуры, и задающей норму нравственному совершенствованию человека, поскольку содержит в себе чистый моральный абсолют.

Безотносительно к «иммортологическому космизму», сама идея сыновнего долга, воспринятая умом и сердцем человека, будет, несомненно, способствовать его нравственному росту, поскольку в ней начинают работать все глубинные механизмы нравственного сознания человека, такие как стыд, совесть, ответственность, сострадание, любовь. В этом сила и значение нравственной стороны «философии общего дела».

Список литературы

1. **Кожевников В. А.** Опыт изложения учения Н. Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М.: Мысль, 2004. 576 с.
2. **Семенова С. Г.** Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
3. **Степин В. С.** Стратегии ненасилия и развитие цивилизации // Философия и этика: сб. научных трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2009. 800 с.
4. **Титаренко Е. М.** Религиозная эстетика Н. Ф. Федорова // Н. Ф. Федоров: pro et contra: в 2-х кн. СПб.: РХГА, 2008. Кн. 2. 1216 с.
5. **Федоров Н. Ф.** Собр. соч.: в 4-х т. М.: Прогресс, 1995. Т. 2. 554 с.
6. **Федоров Н. Ф.** Собр. соч.: в 4-х т. М.: Традиция, 1997. Т. 3. 744 с.

RUSSIAN COSMISM IN PHILOSOPHICAL ETHICS PERSPECTIVE

Oksana Valer'evna Fesikova

Department of Philosophy

Voronezh State Forestry Engineering Academy

fesickova2012@yandex.ru

The author considers the moral senses of Russian cosmism which, to her mind, are the most perspective ones for modern philosophical process in Russia. The cosmological intentions of N. F. Fedorov's philosophy of general concern are interpreted as the "categoric imperative" characterizing the ethical centrism of native philosophical tradition as its dominating feature and thus suggests the extended variant of the existing typology of Russian cosmism.

Key words and phrases: Russian cosmism; noosphere conception; active evolution; science; religion; moral subject matter of Russian cosmism; ethical centrism; philosophical ethics.

УДК 091

В статье рассматривается событие как темпоральный аспект сознания, которое схватывается во внутреннем восприятии в двух модусах – непрерывности и дискретности; а также трансцендентное и имманентное в развертках временной целостности сознания.

Ключевые слова и фразы: событие; темпоральный аспект; символ; дискурс; внутреннее сознание и восприятие; семантический и феноменологический смысл.

Юлия Владимировна Филиппова

Кафедра философии

Русская христианская гуманитарная академия

yuliyaph@yandex.ru

СОБЫТИЕ – ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЗНАНИЯ[©]

Огромную роль в осмыслении реальности играет то, что мы называем событием, которое при всей неоднозначности формирования ожиданий и возникновении оппозиции (структурной связи) двух значений в определенной категории, приводит к осознанию необходимости выбора одной из возможностей. Примечательно, что не всегда известны все возможности, может быть вариант, при котором существует только гипотетическая оппозиция данной возможности, что является следствием зафиксированного отклонения феноменальной данности от сформированных ожиданий. Иногда мы можем описать событие, но оно представляется совершенно невероятным с точки зрения ожиданий.

Возникают также ситуации, несоизмеримые нам, вообще неопишуемые в рамках наличной системы значений (трансцендентный опыт). Они по сути своей не являются для нас событием, поскольку в этом случае

соизмеримо нам наше состояние, условия, в которых происходил опыт (время суток, обстановка) и они, происходившие с нами, или ухваченные нами как происходившие, и будут выглядеть для нас событием. Таким образом, может быть конституирована новая возможность, потому что у сознания есть только аппарат нашей видимой системы значений, и внутри ее оно и производит интерпретации. Однако иногда остаются только знаки произошедшего, потому что именно на вторичную систему было акцентировано наше внимание и событие в целом остается от нас скрытым.

Горизонт наш постепенно изменяется в процессе перестроения и интерпретирования старых структур и появления новых. Ожидания формируют отдельную сетку значений, которой событие всегда противоположно; речь идет об индивидуальном событии, состоится которое или нет, зависит от нашего направленного на него интереса, определенного восприятия или его отсутствия. Событие – это то, что с нами происходит, и то, чего мы всегда ожидаем. Ожидания при этом могут возникать вне категорий и не оппозиционировать чему-либо просто потому, что не имеют осмысленного противоположного чему-либо значения. При формировании ожиданий надо иметь в виду целые смысловые связки, а не просто значение; при одинаковых значениях, у разных субъектов оказывается и разная сфера ожиданий, которая в каждый данный момент уже всегда включает в себе сферы того, что потенциально возможно. Это связано с тем, что ожидания вне события всегда однозначны, притом что сознание (по крайней мере, человеческое) не умеет раскручивать два проекта одновременно, а значит, какая-то часть сферы возможных ожиданий всегда оказывается неактуализирована. Ожидания вообще шире по сравнению с тем, что ожидается в конкретный момент. Любое намерение, связанное с конкретным значением, также может быть осуществлено многообразнейшими способами. Настроение – это, собственно, выбор способа бытия сознания, из которых, при наличии смысловых полей, всегда можно выделить какие-либо предпочтения, однако это не более чем актуализация способа видения и мышления в определенной точке и в определенный момент времени. Оно не является содержательным по отношению к сознанию и, как величина дискретная, зависит от нового события; иначе ожидания наши встроены в определенное поле семантических и феноменологических смыслов и способны конституировать проекты, меняя сетку ожиданий. Поскольку событие не появляется в результате чистой активности субъекта, невозможно контролировать наше настроение. Хотя относить настроение только к бессознательному тоже неверно. Оно необходимо, например, для феноменологического объяснения определенности выбора синоминутных ожиданий из всех возможных, что, соответственно, не относится к психологическому феномену настроения. К тому же это не служит материалом для рефлексивного сознания, а всего лишь отражает возможное извне. Нельзя отнести настроение и к модусам восприятия, поскольку они связаны со смысловыми структурами, и модус схвачен в сознании. Настроение непродуктивно, оно является самоконституированием, бесконечным разворачиванием одного и того же и осуществляется автоматически, без осознанного участия сознания. Бессознательная непрерывность настроения показывает, что сознание не бывает пустым. Очень часто мы замечаем не реально закрепленное событие, а то, которое есть временная проекция действительного. Если мы переносим концентрацию нашего внимания, сознание сразу фиксирует настроение, это означает, что сознание стремится осознать себя во всей полноте. Функция сознания – конституировать мир и самого человека, задерживая на нем внимание. М. Мамардашвили в статье «Необходимость себя» пишет: «Сознание есть какая-то устойчивость живых форм, их тенденция воспроизводить себя» [6, с. 215-216].

Человеческому пониманию свойственна неполнота. Что бы ни разворачивалось перед нашим взором, что бы ни происходило, тем не менее, наше восприятия всегда меньше события. Нам более свойственно ухватывание события через оппозицию. Таким образом мы раскрываем дальнейшие возможности как ожиданий, так и смыслов. В каждом событии, следовательно, заложено намерение его дальнейшего раскрытия, поскольку за каждым воспринимаемым событием мы конституируем значение, могущее бесконечно раскрываться. В сам момент происходящего уже образуется ряд значений, конституирующий последующие разветвки, хотя это происходящее намного больше, чем та система значений, которой мы можем апеллировать.

Любое событие, в свою очередь, схватывается во внутреннем восприятии в двух модусах: непрерывности и дискретности. В данном случае, оба эти модуса – это имманентные свойства явления синхронности, которые следует отличать от объективных определений синхронности как трансцендентного события, неизвестно почему имеющего место. Для внутреннего сознания существуют только те события синхронности, которые непрерывно воспроизводятся как «непрерывные» и/или «дискретные» явления внутреннего восприятия. Явление синхронности во внутреннем восприятии можно рассматривать как имманентное событие синхронности, связывающего явление трансцендентного объекта во внешнем восприятии и внутренне сознание.

Сознание, таким образом, предстает, как самодостаточная спонтанность и как особая сила, взаимодействующая с другими силами. У Э. Гуссерля это явление протекания длительности – смысл временной целостности сознания. Природа внешнего восприятия такова, что единство его содержания конституируется в акте схватывания сознания независимо от временного единства явления. При этом внутреннее сознание имманентно рефлексии над содержанием внешнего восприятия и конституирует трансцендентное содержание, но без соотношения с единством времени; а внутренне сознание, имманентное внутреннему восприятию, конституирует явление сознания для себя самого.

Общая идея гуссерлианского исследования временного сознания может быть определена как идея семантического сдвига, противопоставляющая в сфере внутренних феноменов сознания реальности настоящего самобытную реальность «прошлого-в-настоящем». Для схватывания последовательности событий поступков необходима их синхронизация в идентификационных устройствах сознания, они должны находиться в

его едином пространстве и быть перераспределены как одновременные объекты в отношении субъекта сознания, развертывающего условия для конституирования и функционирования различных устройств в различных измерениях. Весь этот процесс является эффектом сборки. Создается определенная матрица, в процессе классификации и рассмотрении каждого сегмента времени с помощью символической системы. При этом работает не только связывание временных отрезков, а и идентификация Я с собственно прошлым и будущим и, соответственно, механизмы памяти.

Ж. Делёз определяет память как «складку», которая может представлять собой комбинированную структуру символических устройств, тогда Я оказывается в пределах этой складки силой, властью символизмов в точке касания им сцепления двух временных серий. Дискурсивная складка связана с сюжетной линией, нарративом, рассказом о субъекте, где Я представляет собой только элемент дискурсивной ситуации, выполняющей роль изреченности и воплощения субъекта дискурса. Субъект воспроизводит себя в дискурсивных развертках и в этом повторе складывает временные интервалы, связывает их в точках возможного повтора и таким образом определяет новый вектор временности. Семиотическая складка представляет собой свертывание потоков интензивности, развернутое в сингулярном Я. Символы как символы памяти, ожидания и восприятия имеют нозматическую сущность, вследствие чего разворачивается предметность опыта и структурируется объективное время.

Символы как напоминание о прошлом событии формируют его образ, выступая «первичными Gestalt'ами сознания-времени, в которых непосредственно конституируются первичные различия временного как изначальные источники всех очевидностей, относящихся ко времени...» [3, с. 11], что проявляется не только в символической определенности позиционирования феноменов, но и в резонансе события, которое относится не к ретенции или протенции, а к интенциональности. Таким образом, «теперь-точка обладает для сознания опять-таки темпоральным обрамлением, которое осуществляется в непрерывности схватываний памяти, и совокупное воспоминание “события” состоит в континууме таких континуумов темпоральных обрамлений, соответственно континуумов схватываний описываемого вида» [Там же, с. 39].

Темпорализация сознания, протекающая с такой высокой степенью интенсивности, вызывает сопутствующее чувство неполноты реальности, которая может быть восполнена со временем, что в пределе представляется феноменом смерти. Гарантия здесь возможна, когда имеется в виду время, представляющее связь с трансиндивидуальными развертками. Время в этом смысле определяет конечность Я, но одновременно, в случае прохождения Я обряда инициации со временем, предлагает «лифт в бесконечность», как назвал его Ж. Делёз. Различные временные развертки действуют там, где работают синхронно два и более временных потока, и при этом время оказывается некой темпоральной поверхностью, где сознание и время развертывают проблематизацию Я и таким образом ставят Я под вопрос. Как онтологическая сущность, Я, стремящаяся к истине, в то же время превращает мысль в репродукцию реальности, в эрзац, заместитель. На данном этапе происходит некая деформация, при которой требуется через Я-форму пробиться к изнанке Я – т.е. самости. Самости, которую Ф. Ницше называл «само», которое «всегда прислушивается и ищет: оно сравнивает, подчиняет, завоевывает, разрушает» [6, с. 241].

Тождество бытия и мышления с онтологической точки зрения представляет собой трансцендентный горизонт и мышления, и существования, к которому они устремлены, проходя через любой конструкт, будь то вещь, символ, действие, событие и т.д. Мысль всегда движение, лежащее вне самой мысли, при этом мысль не самодостаточна, не имеет собственного основания и, по справедливому замечанию Р. Барта, втянута в «отраженное существование». Рассматривая собственно трансцендентное понимание действительности сознания, можно заметить, что в зоне трансцендентности речь идет не о сознании как «отражении действительности», а об опыте сознания на основе всего, что может быть переработано мышлением.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999. Т. 1.
3. Гуссерль Э. Собр. соч. М., 1994. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени.
4. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Academia, 1995.
5. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Собрание сочинений: в 2-х т. М., 1990. Т. 2.

EVENT AS THE TEMPORAL ASPECT OF CONSCIOUSNESS

Yuliya Vladimirovna Filippova
Department of Philosophy
Russian Christian Classical Academy
 yuliyaph@yandex.ru

The author considers event as the temporal aspect of consciousness which is seized in internal perception on two modi – of continuity and discreteness and also transcendent and immanent in the developments of the temporal integrity of consciousness.

Key words and phrases: event; temporal aspect; symbol; discourse; internal consciousness and perception; semantic and phenomenological sense.